

Владимир Войнович в жизни много чего писал — про советских студентов и русских народных целителей, про шапку из кошки и квартиру в кооперативе. Но если бы он не написал ничего, кроме «Чонкина», все равно его имя навеки вошло бы в анналы сатиры, юмора и антисоветизма. Тем не менее автор, которого в 80-м году турнули из СССР, а в 90-е годы попросили обратно, вовсе не собирается почить на лаврах. То откроет в себе живописца, то ударится в журналистику, то напишет новую повесть, а то по его старой повести поставят новый фильм. И чем бы он ни занимался, где бы ни находился, Войнович легко опознаваем. В каждой строчке, в каждой картинке, в каждой реплике интервью упрямо виден характер. Хулиганский характер рано повзрослевшего пацана из советской слободки, которому палец в рот не клади. Может, и не откусит, но нарывать потом палец будет.

— Где вы сейчас живете — в Москве или в Мюнхене?

— И там, и там. Когда меня кто-то встречает, спрашивают, надолго ли приехал. А я живу здесь половину времени. Когда человек едет на дачу, его не спрашивают, надолго ли. Мюнхен для меня — дача. Он в более зеленом месте находится. Но, конечно, я бываю где-то еще. Сейчас, например, поеду в Израиль выступать, посмотрю, как они там с арабами воюют. Потом в Англии получу почетную докторскую степень, потом поеду в Америку с той же целью, потом буду выступать там же, и так до самого конца сентября, пока не вернусь в Москву.

— То есть фактически все ваше время поглощает сейчас публичная деятельность. А как насчет профессиональной?

— Профессиональной занимаюсь урывками, по ночам, но у меня есть маленький компьютер. В самолете лечу — тоже чего-то делаю. И вот у меня книжка недавно вышла, труд многих лет, «Монументальная пропаганда». Это роман о женщине, которая родилась в 1915 году и дожила до 99-го, и вся ее жизнь описана. Эта женщина — такая фанатичная коммунистка, была влюблена в Сталина, а когда его стали разоблачать, для нее это оказалось большой личной драмой. Ей надо было выбирать между партией и Сталиным, и она выбрала его. Стала такой коммунистической диссиденткой еще в 60-е годы, и когда памятник Сталину снесли с постаментов и тащили на помойку, отняла у тракториста, принесла к себе в квартиру и жила с ним до последнего дня.

— Почему вы только теперь это написали?

— Роман я начал в 70-м году. Писал, потом смотрел и думал: «Эта тема устарела. Все прошло». Брался за что-то другое, потом опять вспоминал, смотрел на окружающую действительность и думал: «Да нет, ничего, не устарела пока». И закончил я как раз к сроку, в 99-м году, когда пошла речь о том, чтобы восстановить памятник Дзержинскому и все такое. И роман опять актуален.

— Чем вы заняты непосредственно сейчас?

— Сейчас пишу одну большую вещь, о которой не хочу говорить. Это, скорее, философско-литературоведческая работа, трактат. Кроме того, пишу всякие мелочи, вот под-

рядился делать колонку в «Известиях» по субботам. Перед публикой выступаю в основном не у нас в стране.

— Жизнь сегодняшнего писателя стала иной, чем раньше?

— Иной, иной, но все это очень индивидуально. Стало очень много суеты. Я вот не рвусь давать интервью, но даю их — стесняюсь отказать. Недавно звонит знакомый: «Дочь вышла замуж за одного молодого журналиста, может, ты с ним поговоришь?». Или девочка была одна: «Я из деревни, выпускаю деревенскую газету»... Как тут откажешься? Кроме того, много всяких звонков: когда человек известный, его используют уже в роли свадебного генерала —

гие отвлечения — девушки, выпивка. В целом писателю мешает все: бедность и обеспеченность, отсутствие славы и ее присутствие. Приходится все время бороться.

— Уильям Фолкнер с ранней молодости знал, что может быть либо жизнь, либо литература, и выбрал литературу. Попишет-попишет — выпьет, попишет-попишет — выпьет. Больше ничего не было у него, зато теперь классик XX века. Возможен ли сегодня такой выбор?

— Многосложный вопрос. Рэй Брэдбери живет уединенно: не ездит в автомобиле, не летает на самолетах и так далее. Но в нашей стране никогда так не полу-

кого можно сейчас говорить все, что угодно, а он крупный писатель. Тем не менее, всю жизнь прожил в безумной суете — вел огромную переписку, ухаживал за дамами, выпить тоже любил.

— Несете ли вы ответственность за что-нибудь, кроме своей семьи, своей частной жизни? За страну, например?

— Я отвечаю за свое дело. За страну я не отвечаю, я чувствую за нее боль. Она идет не туда, куда бы мне хотелось. Вот выбрали президента, а я не голосовал. Его избирали другие, и я не могу отвечать за их выбор. У нас Понтия Пилата считают отрицательным персонажем, а я думаю, он положи-

— В чем они все-таки состоят? Остаток дней, судьба детей и внуков?

— Ну, это не совсем так. Внуков у меня, к сожалению, нет, и я бы не сказал, что мои дети очень хорошо устроены, но я думаю, что у каждого поколения — своя жизнь, и они ее тоже как-то проживут. Что же касается остального, то меня, конечно, волнуют сегодняшние события, включая всякие мелочи по сравнению с жизнью и смертью: то, что случилось с НТВ или где-нибудь еще, или с этим советским гимном, против которого я даже боролся и даже довольно страстно.

— В чем позитивный смысл вашего существования?

— Сеять разумное, доброе, вечное, милость к падшим призывать. И еще есть кое-что. Когда в 70-е я считался диссидентом, меня спрашивали: «Чего ты добиваешься? Что ты борешься с ветряными мельницами?» Я возражал: «Это не ветряные мельницы. Я отстаиваю самого себя». Почему-то люди думают, что отстаивать себя — это мало, а отстаивать дальние рубежи — это много. Но был такой Виктор Николаевич Ильин, секретарь Союза писателей, генерал-лейтенант КГБ. Публично меня травил, а в своем кабинете отзывал и шепотом говорил: «Слушайте, неужели вы верите, что ваш «Чонкин» когда-нибудь будет издан?» А я ему: «Виктор Николаевич, кланусь, я не просто верю. Я знаю, что он будет напечатан». Он: «Ну, у вас и самомнение». Я: «Это не у меня, это у вас самомнение. Вы думаете, что управляете временем, а это не так». У меня тогда был свой собственный исторический оптимизм. Именно из истории хорошо видно, что все запрещенные книги живут очень надежно — по крайней мере, до тех пор, пока не будут опубликованы. Потом они вступают в нормальную борьбу с другими книгами. Так всегда было, и сто лет назад, и тысячу. И вот теперь, спустя много времени, на мою свободу наступить уже нельзя. Я прожил сложную жизнь, но старался не кричать душой, не расталкивал других людей локтями, с органами никогда не сотрудничал.

— Возраст дает право довольствоваться личной свободой?

— Возраст дает человеку право и возможность оглянуться. Мне в этом году будет 69 лет, и вот до этого срока я прожил с более менее чистой совестью. Есть, например, такой человек, его зовут Сергей Владимирович Михалков, и он говорит, что его по ночам совесть не мучает. Но она его не мучает только потому, что у него ее нет. С моей точки зрения, этот человек прожил такую недостойную жизнь, что, если бы я ее прожил, то, оглянувшись, устыдился бы.

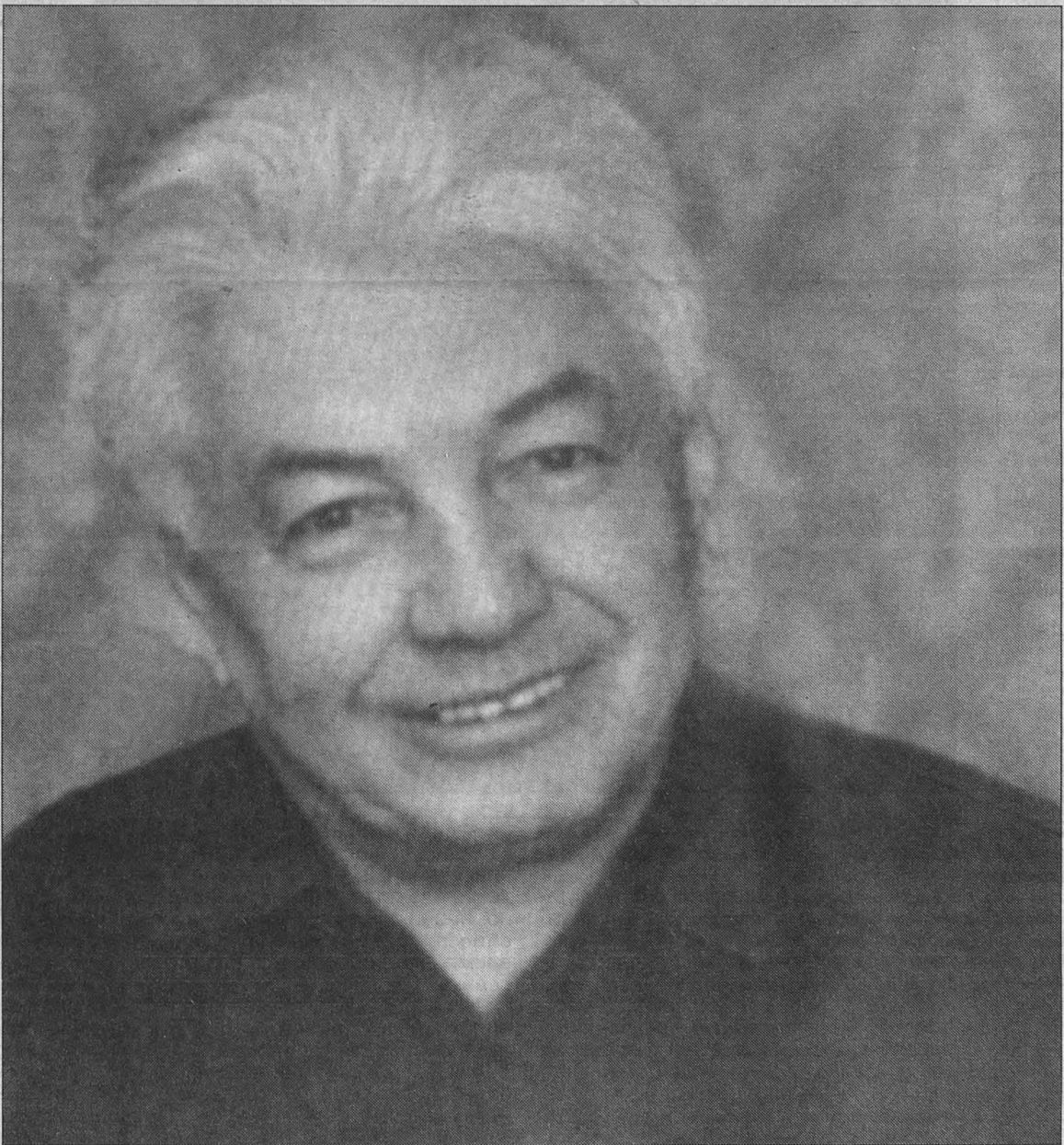
— Ваша жизнь была целой, цельной?

— Нет, она такой не бывает. Есть только общий план жизни, а потом есть отдельные планы: написать какую-то книгу, рассказ, маленькую заметочку, сходить в ресторан, выпить и закусить, поехать что-нибудь посмотреть. Это множество больших и малых, интересных и неинтересных обязанностей и дел. Нет, жизнь целая не бывает.

Беседовала
Екатерина ТАРХАНОВА

Владимир ВОЙНОВИЧ: *Экран и сцена. — 2001. — июнь-июль. — (№ 23). — 416.*

«На мою свободу наступить уже нельзя»

туда, сюда приглашают, на дни рождения, презентации, премьеры. Тоже часто неудобно не пойти, а это много времени отнимает.

— Это не выхолащивает мозги?

— Утомляет во всяком случае. Вообще писатель легче живет в свой начальный период, и не только потому, что молодой. У него меньше отвлечений. Хотя там дру-

чалось. Меня лично с места на место часто гнали обстоятельства. Я не жалуюсь, но не было такого, чтобы я мог осесть где-то, сидеть и спокойно писать. Кроме того, такая отрешенность от жизни не всегда дает положительные результаты. Мы знаем два примера, Шолохов и Солженицын. Как только они уединились, это плохо на них сказало. Но вот про Горь-

тельный. Он говорил: «Я умываю руки». Не он принимал решение. И у нас решения принимают люди, к которым я даже не приближен.

— Вы спокойно живете сейчас в Москве?

— Я всегда был фаталистом. Мой девиз — «бог не выдаст, свинья не съест». А теперь, в моем возрасте, у меня все меньше поводов для беспокойства.